

Читайте в серии:

«БЛЕСК»

«БЛИК»

«ИСКРА»

Продолжение следует...

*Посвящается тем, кого держали в темноте.
Улыбнитесь солнцу.*

Орея

ВТОРОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ВОЛМОНТ

ЭЛЛИМЕРИЯ

ГАЛЛЕНРИФ

ПЕРВОЕ
КОРОЛЕВСТВО

ХАЙБЕЛЛ

ШЕСТОЕ
ЦАРСТВО

СЕДЬМОЕ
КОРОЛЕВСТВО

Брэххилл

Третье
королевство

Четвертое
королевство

Клиффхельм

Пятое
королевство

Рэнхолд

Пустошь

ПРОЛОГ

Аурен

Десять лет назад

З*десь небо не поет.*
Оно не кружит, не звучит и не оседает на моей коже сладкими благовониями, не овеивает мои волосы прохладным поцелуем.

Небо здесь не такое, как в Эннвине.

Дождь льет слезы с утра до ночи, и вода на земле растекается лужами, но и она не смывает здешний смрад. Солнце садится, и в небе восходит луна, однако эта картина не гармонирует с богинями, дремлющими в бледно-желтых звездах. Небосвод тусклый и жалкий.

Все здесь не такое живое, как дома. Но, с другой стороны, возможно, это всего лишь фантазии маленькой девочки. Возможно, Эннвин был совсем не таким, а я забыла.

Если так, то предпочту притворяться. Мне нравится, каким был Эннвин в моих воспоминаниях — изобилующий весельем, которое наполняло и меня.

Здесь, в Дерфорте, меня тоже переполняют чувства, но не самые приятные.

После утреннего ливня гавань Дерфорт наполнена водой. Хотя она всегда затоплена и причиной тому обыч-

но или море, или небо. Иногда и то и другое. Здесь нет ни одной деревянной крыши, которая бы не пропиталась влагой, или побитой двери, которая бы не облупилась из-за удушливой сырости.

С океана сюда часто стягиваются тучи и свирепствуют бури. Впрочем, в дожде нет ничего освежающего. Он просто изливается обратно в море, которое его вскормило, и, воняющий рыбой, затапливает грязные улицы.

Воздух сегодня липкий и сырой, он давит мне на грудь и напитывает платье влагой. Мне повезет, если одежда высохнет, когда вечером я ее развешу. Повезет, если волосы перестанут быть влажными и завиваться мелкими кудряшками.

Но на мои прическу и одежду все равно никто не обращает внимания. Хищные взгляды всегда подмечают мои тронутые золотом щеки, рыскают по коже, что блестит сильнее, чем обычная. Вот потому-то меня и называют разрисованной девушкой. Золотой сироткой из гавани Дерфорт. В каких бы я ни была лохмотьях, под промокшей одеждой скрывается богатство, противоречащее всякому здравому смыслу. Никчемное сокровище моей кожи, которое ни к чему не приводит, но вместе с тем влияет на все.

Торговые палатки, разбросанные по всему уличному рынку, еще темные. Мешки из грубой льняной ткани насквозь промокли, телеги накрыты брезентом и с него капает вода. Я закрываю глаза и дышу, пытаюсь делать вид, будто не чувствую исходящего от кузницы резкого запаха железа. Не чувствую запаха промокших деревянных досок пришвартованных судов. Не чувствую вони от ящиков с бьющей хвостом рыбой и соленого песка с берега.

Воображение у меня не настолько богато, чтобы подавить этот смрад.

Безусловно, не сиди я на мусорном баке возле кабака, то пахло бы чуточку приятнее. Запах старого эля ужасен,

но здесь суше, да и место более уединенное, благодаря чему оно кажется еще более ценным.

Поерзав на металлической крышке, я прислоняюсь спиной к стене и обвожу взглядом уличный рынок. Нельзя мне тут находиться. Надо уходить, но даже так риск велик. У Закира в городе слишком много шпионов. Это лишь вопрос времени, когда меня поймают, и не важно, останусь ли я на месте или где-нибудь укроюсь. Я прячусь от него, от обязанностей, которые он на меня возложил. Прячусь от громил, шатающихся по улицам и сторожащих детей- Попрошаек — не ради их безопасности, а чтобы убедиться, что чужой не посягнет на территорию Закира и не станет красть у его воров.

Я скрываюсь там, где нет никакой надежды остаться незамеченной.

Словно повинувшись какой-то силе, я поднимаю взгляд и смотрю на океан, виднеющийся между двумя торговыми палатками. Смотрю на паруса причаленных кораблей, их очертания напоминают привязанные облака, которые пытаются вернуться к небу. При виде этой дерзкой попытки побега внутри что-то сжимается. Как же искушает свобода, которая раскачивается вот здесь, на горизонте.

Это обман.

В Дерфорте жестоко наказывали тайком пробравшихся на корабли, и я сглуплю, если пойду на это. Немало детей Закира предпринимали подобные попытки, но не дожили до возможности об этом рассказать. Вряд ли я когда-нибудь забуду, как чайки клевали их плоть с ободранной кожей, как висели их тела, раскачиваясь на приливном ветру, и сморщивались под соленым дождем.

Хуже этого запаха нет ничего на свете.

— Какого черта ты тут делаешь?

Когда в моем уединенном уголке появляется Закир, нависая угрожающей тенью, я вздрагиваю так сильно, что царапаю руку о грубый известковый кирпич.

На красном лице сверкают карие глаза. Его подбородок покрыт щетиной недельной давности, схожей с иголками кактуса. Я чувствую от Закира такой сильный запах алкоголя, что он перебивает вонь мусора, на котором я сижу. Наверное, он на протяжении нескольких часов заливал в себя спиртное.

— Закир. — Спрыгиваю с бака и встаю перед ним. Я не могу говорить без чувства вины и даже не осмеливаюсь заглянуть Закиру в глаза.

Он кладет руки на бедра, и жилет серо-зеленого цвета распахивается на его волосатой груди.

— Тебе уши воском набили? Я спросил: какого черта ты тут делаешь?

Прячусь. Мечтаю. Притворяюсь. Скрываюсь.

Словно услышав мои мысли, Закир презрительно ухмыляется, демонстрируя зубы, покрытые пятнами от курения трубки и распития генада. Губы его потрескались от переизбытка проклятий, словесных ударов и жестоких сделок.

Когда наступление нового года ознаменовалось долгой луной, Закир изменил мои повинности. По его подсчетам, мне пятнадцать лет. В Орее это уже взрослый человек.

— Я только... — Быстро придумать оправдание не выходит.

Закир дает мне затрещину, и моя голова резко наклоняется вперед. Теперь он бьет меня только по затылку. На моей золотой коже быстро появляются синяки темного блестящего цвета, но под волосами их никто не увидит.

— Ты еще с час назад должна быть в «Уединении»! — рявкает он и наклоняется к моему лицу. — Ублюдок появился и наорал на меня за то, что ты так и не пришла, а парень, которого я приставил за тобой следить, сказал, что ты слиняла через черный ход!

Неправда. Я вылезла через разбитое окно погреба. Сбежать по глухой улице за трактиром было проще. Еще

одним вариантом был боковой переулочек, но в нем обитало много бродячих собак, дерущихся за объедки из мусорных ящиков.

— Чтоб тебя, ты меня слышала?

Я хватаюсь за грязные юбки и сжимаю их пальцами, словно пытаюсь выдавить из себя ответ.

— Я больше не хочу возвращаться в «Уединение».

Мой голос хриплый, напоминает звук, при котором неумелый мастер обрабатывает мрамор. Мне даже думать не хочется о трактире, и уж тем более — говорить о нем. Несмотря на название, уединение — это последнее, что я могу там найти. Там, где мою невинность украли, как жадные карманники обворовывают своих жертв. В «Уединении» меня ждут только угнетающие неприятные взгляды и омерзительные прикосновения.

Лицо Закира становится еще более суровым, и кажется, будто он вот-вот снова стукнет меня по голове своими толстыми пальцами с кольцами, но хозяин этого не делает. Интересно, сколько монет, заработанных моим непосильным трудом, уходит на эти заржавевшие золотые украшения.

— У меня есть дела поважнее, чтобы волноваться о том, чего ты хочешь. Ты работаешь на меня, Аурен.

От отчаяния у меня сдавливает горло, перекрывая доступ к воздуху.

— Тогда отправь меня обратно на улицы просить милостыню или воровать у покупателей на рынке, — молю я. — Только не отправляй в трактир. Я больше не могу этим заниматься. — Глаза невольно наполняются слезами. Вот что еще проливается в Дерфорте.

Закир вздыхает, но с его лица не сходит гнусная ухмылка.

— Эй, не хныкай мне тут. Я и без того долго тебя не трогал, а такой милости от большинства торговцев плотью ты бы не получила. Если не будешь приносить мне